

Слёзы ветра

Арзамасцева Ольга

Ольга Игоревна Арзамасцева

Слёзы ветра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69580576

SelfPub; 2023

Аннотация

Две русские девушки-подружки с противоположными характерами отправляются провести отпуск в маленьком старинном городке и попадают в переплет. Два красивых вампира связаны проклятием времен Гражданской войны. До сих пор им удавалось не ссориться со своим соседом-ангелом, но Тьма, рожденная в прошлом человеческим отчаянием, слишком глубока.

Ольга Арзамасцева

Слёзы ветра

Запах разложения сбивал с ног, вызывая тошноту и головокружение. Она шла где-то под землей, путалась в паутине, обрывках материи и спотыкалась о какие-то безбожно громыхающие металлические предметы. Вонь становилась невыносимее с каждым шагом, но ей казалось, что надо идти вперед; вперед, в глубину, во что бы то ни стало. Зачем? Просто потому, что она умрет от печали и боли, если остановится, или потому, что какая-то её часть навсегда останется здесь, если она не найдёт её. Ещё шаг – земля качнулась и ушла у неё из-под ног.

Ксюша вздрогнула и открыла глаза. Поезд ещё раз дернулся и встал. С нижней полки раздалась невнятная ругань разбуженной Даши.

– Тормоза народ весёлый, как гласит индейцев мудрость, – заметила Ксюша.

– Ненавижу ездить поездом! И почему в это милое место самолеты не летают?! – мрачно буркнула Даша.

– Мы же выяснили, что летают.

– Ага, только низко и недолго, как куры.

– Если тебе не нравится местная авиация, это ещё не значит, что её нет.

Внезапно Даша переменяла тему разговора:

– Ты знаешь, я думаю, что встречу его здесь.

Ксюша состроила скептическую гримасу и натянула одеяло на голову. Она хорошо знала гипотезу своей подруги о красивой и незамутненной любви с первого взгляда, которая поджидает её за ближайшим углом. «Единственный, кто может поджидать за углом, это маньяк», – подумалось девушке. Кроме того, она хорошо знала, что если подруга завела этот разговор, то теперь так просто не уймётся.

И Даша продолжала:

– Моё сердце чувствует его близость...

– Как ты и в самом деле можешь верить в эту чушь? Или тебе просто нравится меня доставать?

– Это тебе нравится меня доставать, – возмутилась Даша. – Не может быть, что ты не веришь в любовь!

Ксюша под одеялом поморщилась ещё сильнее, но Даша этого уже не видела.

– Любовь, – сказала Ксюша, – возникает как следствие глубокого взаимопонимания, доверия, уважения и восхищения. Это тяжёлый непрерывный совместный труд. Она не может возникнуть вот так, с бухты-барухты, в первую же минуту.

– Ты рассуждаешь, как старая дева, – фыркнула Даша.

– А ты как мартовская кошка, – огрызнулась Ксюша.

Но Даша её слов не расслышала, потому что как раз в этот момент с восторженным криком бросилась к окну.

– Ты глянь, какая красота, Ксюх!

– И правда! – Ксюша выбралась из-под одеяла.

Поезд ехал по склону горы над долиной, внизу бурлила и билась о камни река, а дальше террасами поднимались окутанные туманом и поросшие глухим еловым лесом горы.

– Карпаты проезжаем, – замороженно выговорила Даша.

Подобным образом проводили свои полтора суток в поезде подруги, выпускницы МАРХИ, ехавшие в небольшой старинный город отдохнуть.

Они сняли на пару месяцев нижний этаж небольшого увитого плющом особнячка где-то на окраине. Узкая, пропахшая виноградом улочка, осыпаясь, вилась по склону. Воздух был бодряще влажным, в нём дрожали холмистые горы с рассыпанными по ним белыми пятнами коттеджей. Девушки с удовольствием выдохнули из легких остатки московского «пепла», вооружились фотоаппаратами и отправились на прогулку.

У Ксюши город вызвал смешанное сладковато-горькое чувство. Подобное она испытывала, когда через несколько лет после смерти бабушки приехала в её родное село, где провела половину детства. Медово-пряный запах трав, бескрайнее голубое небо в белых барашках, дом, проданный чужим людям, и бывшие друзья и соседи, которые то ли и в

правду не узнавали, то ли не хотели узнавать её.

То село совершенно не походило на это место.

Здесь горизонт с одной стороны закрывали лесистые горы, с другой – блестело серебряной полоской море. Узкие мощёные улицы, австрийские особняки, увитые частично засохшим плющом, сквозь просветы в котором строго взирали львы, орлы и рыцари.

Еще был ветер... то жаркий днём, то прохладный по вечерам, и вечно влажный, тяжелый. Возникало ощущение, будто он несёт в себе чьи-то слёзы... Слёзы, пролитые сто лет назад и пролитые год назад – все они уже потеряли свою причину, и осталось лишь общее тягучее беспокойство.

Но чувство было то же – чувство ностальгии и одиночества.

Она поделилась с Дашей своими ощущениями. На это та ответила, что чувствует – она совсем скоро встретит Его. И вид при этом имела крайне загадочный и довольный.

Ксюша безнадежно покачала головой, придя к выводу, что Даша всё же дразнит её (она ведь не сумасшедшая, хоть и увлекающаяся натура), и решила не поддаваться на провокацию.

– Ой, смотри! – воскликнула Ксюша и подняла с земли мягкое, но крепкое белое, с кремовыми подпалинами перо, размером чуть больше её ладони.

– Может, орлиное? Хотя вряд ли тут такое водится.

К вечеру заходящее солнце окрасило рыжим шпиль рату-

ши. Они сидели в небольшом уличном кафе и наслаждались местными кондитерскими изделиями. Ксюша что-то энергично объясняла Даше, чертя в блокноте. Почти сразу после того, как солнце скрылось за горизонтом, от этого увлекательного занятия их отвлек элегантный молодой человек:

– Вы так увлекательно беседуете – можно составить вам компанию?

– Конечно! – радостно отозвалась Даша, которой молодой человек сразу понравился.

– Не думаю! – Ксюша, которой он сразу не понравился, смерила молодого человека тяжёлым взглядом.

– Меня зовут Ричард, – он подсел к ним. В его движениях чувствовалась грация хищника. – Я в некотором смысле тоже увлекаюсь архитектурой, особенно местной, у меня ведь есть прекрасный старинный дом за городом.

– Я Даша, а это Ксюша.

– Очень приятно, – ответил Ричард бархатным голосом, не сводя с Даши задумчивый взгляд. В глубине его глаз плясали загадочные огоньки. В сторону Ксюши он даже не взглянул.

Ксюша фыркнула и с грохотом отодвинула стул, вставая:

– По-моему, нам пора заняться делом, – грозно сказала она Даше.

Даша же, не отрываясь, смотрела в глаза незнакомца.

– Идите, если торопитесь. Просто у меня есть громадная развалина за городом. Мне давно хотелось посоветоваться

со специалистами, как бы так её модернизировать, не сильно уродуя, – историческая ценность как-никак. Давайте я вам адрес оставлю – заезжайте, если найдёте время.

– Обязательно найдется, – с готовностью отозвалась Даша.

Некоторое время подруги шли по городу в красочном молчании: Ксюша дулась, а Даша витала в облаках, не замечая этого. Наконец, Ксюша не выдержала:

– С чего вдруг ты решила заигрывать с мужчинами, чьи намеренья явно далеки от благородных?!

– Ты о чём? – удивленно спросила Даша, очнувшись от грёз.

– О том, что не далее 15 минут назад за столиком в кафе ты кокетничала со смазливym хмырём, не спускавшим с тебя масляных глаз.

С минуту Даша осознавала содержание Ксюшиного высказывания, а как осознала, сразу обиделась:

– У кого что болит, тот о том и говорит! Не было у него никаких смазливых глаз и масляной рожи! Он просто хотел, чтоб мы посмотрели его дом и помогли с модернизацией.

– Расскажешь парторгу! Знаем мы их, модернизаторов!

– Тебе, что неинтересно посмотреть на его древнюю усадьбу?

– По правде сказать, я сильно сомневаюсь в наличии ка-

кой-то там усадьбы. Он просто хочет затащить тебя в постель!

– А тебе обидно, что не тебя?!

В этом месте разговор быстро потерял остатки содержания и девушки, топнув ножками, разбежались в слезах в разные стороны.

Ксюша бежала, ничего не замечая, когда рука спокойно легла на её плечо:

– Девушка.

Ксюша не испугалась, скорее, удивилась, как такое возможно. Как можно спокойно положить руку на плечо бегущему человеку?! Резко остановилась и обернулась. За её спиной сутулился коренастый парень в линялой штормовке и с банкой дешевого пива в руке.

– Это вы потеряли? – он держал за порванную цепочку раритетный крестик – серебро с эмалью. На лице юноши мерцало безразличное сочувствие. Крестик достался Ксюше от бабушки, когда та окрестила её втайне от неверующих родителей. С тех пор Ксюша так и не поняла, верит она в Бога или всё-таки нет, но крестик носила в память о человеке, которого очень любила. Её рука инстинктивно потянулась к шее – крестика там, естественно, не было.

Ксюша удивленно моргнула. На улице было много кафешек, и к вечеру она стала очень оживлённой. Толкучке было, безусловно, далеко до московской, но увидеть в такой ситуа-

ции такую маленькую вещь на земле и тем более понять, кто её уронил, было совершенно невозможно. Она почувствовала, что улыбается.

– Спасибо, – сказала она.

– Ничего, с каждым бывает, – отозвался юноша и приготовился исчезнуть в толпе.

Ксюша почувствовала это и испугалась:

– Не исчезайте, – виновато пробормотала она, – я боюсь... остаться одна.

– Хотите кофе? – невозмутимо спросил парень.

Ксюша робко покивала.

– Тогда пошли.

Когда за ними закрылась скрипучая дверь, на улице полил дождь. Окна и двери маленького кафе выходили в засаженный цветущими кустами внутренний дворик, так что с улицы о его существовании догадаться было невозможно.

– Ну что за погода?! Просто туманный Альбион какой-то! Привет, Сеня.

Здесь стояло всего пять деревянных столиков, и единственным живым существом был бармен за стойкой.

– Что это за место? – заинтересовалась Ксюша.

– Единственное, где варят приличный кофе.

– Привет, Ман, – добродушно отозвался Сеня из-за стойки, – Тебе как всегда? А что твоей спутнице?

– Моей спутнице кофе и сливочное мороженое с бананами

и шоколадной крошкой.

Ксюшино сердце сладко ёкнуло: именно это мороженое и пришло ей в голову, когда бармен спросил, что она будет.

– Вы не сильно обиделись, что я не дал вам сделать заказ? Просто я неплохо знаю местное меню.

– Всё нормально, – тихо сказала Ксюша.

– А то некоторые девушки в наше время, – на его лице промелькнула неуловимая тень ехидства, – считают, что мужчина, делающий заказ за них, кощунственно посягает на их независимость.

Ксюша отчаянно покраснела: она сама всегда так считала. Принесли кофе и мороженое. Некоторое время они сидели молча. Ман прихлебывал кофе и с отрешенным любопытством смотрел на неё. Казалось, что его чувствам присуща какая-то странная чистота, будто в каждый момент времени его занимает только что-то одно. Ксюше это очень нравилось.

Они улыбнулись. И Ксюша поняла, что её случайный собеседник почему-то очень похож на ангела.

Вернувшись домой, Ксюша обнаружила, что Даши ещё нет. На какую-то пару минут её охватило беспокойство, но потом она сказала себе, что Даша взрослый человек, и легла спать. Однако на следующее утро Даши тоже не было, и её

сотовый говорил, что абонент вне сети. Через сутки Ксюша уже не могла говорить себе, что Даша взрослый человек, и направилась напрямик в органы правопорядка.

Там вели себя странно: бормотали что-то невнятное, а когда увидели Дашину фотокарточку, вообще сказали, что ничем не могут помочь, и выставили Ксюшу за дверь. Ксюша совершенно оторопела от удивления и испуга и просто побрела вперед, не разбирая дороги. То ли ноги занесли её куда-то не туда, то ли такие многолюдные раньше улицы отчего-то совсем опустели, но навстречу ей не попадалось ни одной живой души. Улицы становились шире, дома меньше, и в какой-то момент, словно ниоткуда, прямо перед ней возник силуэт готической часовни с островерхим шпилем. Заходящее солнце окружало его кровавым ореолом.

Нараставшие всё это время в душе девушки страх и отчаяние, казалось, достигли своей максимальной точки – она упала на ступени перед зданием и разрыдалась. Прошло какое-то время, а она всё никак не могла успокоиться и собраться с мыслями, когда из темноты раздался голос:

– Почему вы плачете?

Рядом с Ксюшей на ступени часовни присел человек. Он был худощав и, судя по голосу, не слишком стар и не слишком молод, но прежде всего бросалось в глаза то, что он был в цилиндре и с тростью.

Ксюша всхлипнула и пробормотала:

– Мне страшно.

– И что же, позвольте спросить, вас так напугало?

– Ну, – Ксюша опять всхлипнула. – Моя подруга пропала. То есть её нет уже сутки, а... а... – на Ксюшу накатил новый приступ мистического ужаса, и она всхлипнула.

– Вот, возьмите, – он протянул ей платок.

От платка исходил легкий приятный аромат, а рука, подавшая его, была одета в лайковую перчатку. Единственная пара лайковых перчаток, которую доводилось видеть Ксюше, нашла свое последнее пристанище в музее дворянского быта, куда она в детстве часто ходила вместе с бабушкой. «Может, он актер», – подумалось ей.

Ксюша неуверенно приняла платок и робко подняла глаза на лицо собеседника, тот заметно вздрогнул и посмотрел на неё с удивлением. Пожалуй, он бы мог выглядеть ошарашенным, если бы не флёр сдержанности, который словно бы окутывал всю его фигуру.

– Почему вы так на меня смотрите?

Черты лица незнакомца были тонкими, волосы черными и глаза тоже казались черными в полумраке.

– Нет, ничего, – он сложил руки на набалдашнике трости. – Продолжайте.

Ксюша была уже слишком напугана, чтобы удивляться или пугаться ещё больше, поэтому она громко высморкалась и принялась рассказывать дальше:

– Конечно, – пробормотала она, пытаясь рассуждать здраво, – возможно, я обратилась в полицию слишком рано, но...

– она опять высморкалась. – Понимаете, когда я показала им её фотографию, они выглядели такими напуганными, словно... словно... И они просто взяли и вышвырнули меня из офиса и... и... захлопнули дверь...

Ксюша опять начала громко всхлипывать.

– Вы показали им её фотографию, и они испугались? – уточнил собеседник.

– Д-да...

– Всё ясно – идём.

– Куда?

– Обратно в полицию, – он поднялся со ступеней и протянул ей руку, чтобы помочь встать.

– Но они... – Ксюша оперлась о руку собеседника – перчатка была очень приятной на ощупь, а сама рука казалась твердой и сильной.

– Они знают, где она.

«И я пойду с ним? – спросила себя Ксюша. – Конечно пойду. Это может быть опасно... но... но что ещё я могу сделать?»

Он шагал быстро, решительно, на трость он вроде бы опирался, и одновременно не опирался. Вообще, походка его была какой-то необычной, но Ксюша была вынуждена признать, что хоть современные люди так и не ходят, но выгля-

дит она совершенно естественно.

В отделении полиции было темно.

– Там никого нет – они уже все ушли, – проговорила Ксюша, слегка задыхаясь после быстрой ходьбы.

Он посмотрел на неё словно бы свысока:

– Нет, они там – после того, что случилось, они побоятся выйти.

– А что случилось?

Её спутник не ответил. Он распахнул дверь и зажёл свет. Все сотрудники, которых пару часов назад видела Ксюша, сидели на своих рабочих местах и шурились от внезапно включенного света.

Создавшуюся немую сцену разрушил начальник отделения. Он встал, поклонился и пробормотал с заметным акцентом, но всё же по-русски, хотя прежде и утверждал, что не знает языка:

– Ваше С-сиятельство?

– Добрый вечер господа, – абсолютно невозмутимо сказал Ксюшин спутник, к которому, по всей видимости, были обращены эти слова. – Вот эта девушка, – он повел рукой в сторону Ксюши, – потеряла свою подругу. Что вы об этом знаете?

– Помилуйте, Ваше Сиятельство, – пробормотал начальник отделения. – Он запретил говорить Вам.

– Всё понятно. Спасибо, – Его Сиятельство резко развернулся и вышел, поманив за собой Ксюшу.

Та оторопело оглянулась на сотрудников и вышла за ним. Они отошли немного, после чего её спутник повернулся к ней и сказал:

– Что ж, я знаю, где она.

С минуту они молча смотрели друг на друга. Его Сиятельство хмурил черные брови, а Ксюша всё ещё нервно всхлипывала.

Он нарушил молчание:

– Но я не поручусь, что она всё ещё жива, если не хуже...

Ксюша перестала всхлипывать и серьёзно посмотрела на собеседника. Он пытается её запугать? Если так, то он зря старается – испугаться ещё больше она уже не в состоянии...

– Что может быть хуже смерти?

– Медленная смерть, – он отвел глаза. – Продолжительная неизлечимая болезнь...

Ксюша нервно фыркнула.

– Могу я Вас попросить? – его тёмные глаза пристально смотрели на неё. – Идите домой, собирайте вещи и уезжайте отсюда первым же поездом.

Ксюша усмехнулась. Её била нервная дрожь, однако голос прозвучал спокойно и даже слегка насмешливо.

– Могу я вас спросить? Вы сказали, что не можете поручиться, что она жива, но что она мертва, или ещё хуже – вы

тоже поручиться не можете?

– Не могу, – признал Его Сиятельство.

– Отлично, – Ксюша криво улыбнулась и ещё раз громко высморкалась в его кружевной платок. – Теперь, когда вы это сказали, я думаю, что знаю, что может быть хуже смерти, – муки совести длиною в жизнь. Я хочу найти подругу, и если вы можете мне помочь...

Он ещё некоторое время смотрел на неё, продолжая хмуриться.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Идёмте.

И двинулся дальше.

Ксюша бросилась за ним, всё чаще переходя на бег, чтобы не отставать.

– Вы ничего не хотите мне объяснить?

– Думаю, нет.

– Хм.

– Если нам не повезёт, Вы сами скоро всё узнаете. Если повезёт... вы будете спать спокойнее, ничего не зная. И потом...

Он остановился и обернулся так резко, что Ксюша на всем ходу налетела на него. Ей пришлось запрокинуть голову, чтобы посмотреть ему в лицо. В темноте его глаз мерцали лунные блики и, казалось, таилась нежность, нежность, отзывавшаяся странным щемящим чувством сердце. Эта непонятная, невесть откуда возникшая нежность окутала их обоих, словно туман, словно пушистый плед. Но Ксюше не хо-

телось даже думать о ней.

– Вы бы мне не поверили, даже если бы я вам объяснил, – голос Его Сиятельства прозвучал немного взволнованно и слегка хрипло. Тут он резко развернулся и быстро зашагал дальше.

Ксюша с облегчением выдохнула и поспешила за ним.

Он понял, что она здесь задолго до того, как услышал плач. «Так ты всё-таки пришла», – проговорил он, открывая глаза. Тьма саркофага никогда не была для него непроницаемой, и он привычно прочёл надпись заклинания на обратной стороне крышки. И пожалел, что не может обратиться к Господу и попросить сохранить ей жизнь. Но, несмотря на то, что Дора с самого начала чувствовал её присутствие и знал – теперь их встреча – это лишь вопрос времени, он был абсолютно не готов к этому, он не хотел, чтобы она увидела его таким... Ещё больше он боялся того, что подобие покоя, которое он создал в своей душе, будет нарушено, но он и даже представить себе не мог, насколько больно ему будет... За эти сто лет так же больно ему было всего однажды, когда он видел её прежнее тело, проколотое костью клинком, воткнутым в сердце.

Он думал, что хотел бы никогда больше не видеть её лица, но стоило им встретиться взглядом, как он понял, что всё это время жил одной единственной надеждой – увидеть её снова, услышать её голос, коснуться её лица... Он почти по-

чувствовал, будто начинает дышать, будто сердце начинает биться... он презирал себя как никогда прежде...

Разве мало она пострадала из-за его глупости и гордыни?! Зачем, зачем она только вернулась?!

«Беги! Беги отсюда как можно дальше, любимая...»

Через час или около того они вышли из города, свернули с дороги и принялись карабкаться вверх по узкой и каменистой горной тропе. Скоро их обступил непроглядный ночной лес, откуда поминутно доносился дерущий за душу вой, от которого внутренности, казалось, стягивались в тугой узел.

Пошел дождь. От этого стало ещё темнее, и лес вокруг наполнился шелестом и шорохом. Будто её слёзы превысили возможности ветра, и на землю обрушилось всё то, что копилось в нём столетиями.

С Ксюшей творилось что-то странное. Она будто всё знала наперёд и одновременно не хотела ничего знать. Множество объяснений происходящего роилось у неё в голове. Однако девушка не воспринимала их всерьёз. В самой глубине души Ксюша знала, что существует одно единственное объяснение. Но увидеть его ей мешал страх.

Страх сковывал, мешая не только думать, но и двигаться, каждый шаг давался невыносимо трудно – хотелось зажмуриться, зажать уши и замереть. Замереть, потому что бежать не было смысла. И центром, осью, на которую наматывался дождь и её страх, была черная фигура, идущая впер-

ди. Странная, страшная, нестигаемая фигура. Было что-то мертвенное или мертвящее в её спутнике, казалось, нездешний холод окутывал его. Даже выражение «могильный холод» было бы для этого чувства слишком тёплым.

Но странным образом эта же фигура была источником надежды и...

Словно некая живая сила угнездилась в центре этого темного ледяного кокона. Словно слабый свет пробивался сквозь него, не разгораясь и не угасая – слегка трепещущий, но ровный огонёк. Ксюша прикрыла глаза, ощущая, что и в ней самой горит точно такой же огонёк. Между ним и тем огоньком, что впереди, были холод и ночь. Ничто не соединяло их, и они даже не тянулись друг к другу, но всё же непостижимым образом они были вместе, были единым целым.

В этот момент из-за стены деревьев на Ксюшу уставились горящие красные глаза. Картину дополняла оскаленная, истекающая слюнями пасть.

Прежде чем девушка успела хоть бы пискнуть от ужаса, Его Сиятельство оказался рядом, мрачно посмотрел в глаза твари.

– Пошел отсюда, – шикнул он, и тварь исчезла в чаще. – К слову сказать, мое имя Дормедонт Александрович, а Ваше?

– Ксюша.

Дормедонт Александрович улыбнулся и вопросительно поднял брови:

– А отца у Вас нет?

– Не такая я старая, чтоб называть меня по имени-отчеству, – поджала губы Ксюша.

Она стремилась продлить разговор как можно дольше в надежде, что за это время справится со страхом. В конце концов, может быть, Даша просто решила так её разыграть и наняла актеров. Вполне в её духе.

– Никогда не думал, что это связано с возрастом.

Она пожала плечами.

– Ксения Даниловна, если Вы настаиваете.

– Будет лучше, если Вы пойдете впереди, Ксения Даниловна – не хочу, чтоб на Вас напали за моей спиной.

Целью их двухчасового марша оказалась усадьба на вершине горы. Здание выглядело обветшавшим и потрёпанным. На крыше и фронтонах проросли чахлые деревца.

Дормедонт Александрович остановился как вкопанный и окинул усадьбу таким взглядом, словно ожидал увидеть нечто другое. Губы его дрогнули, он пару раз стукнул тростью по растрескавшимся плитам под ногами, сорвался с места и буквально влетел в покосившуюся дверь заброшенной виллы.

– Ричард, как это понимать! – удвоенный гулким эхом голос Его Сиятельства вырывался в распахнутую дверь и разносился по двору. – И пяти лет не прошло, а дом уже в руинах, мне столько труда и денег стоило вернуть ему приличный вид после твоего прошлого дежурства!

Ксюша не решалась войти в дом, но лес и воспоминания о

жуткой морде, казалось, наступали на неё со спины. Девушка вздохнула и переступила порог.

Здесь была та же тьма и тот же холод, и был живой светящийся огонёк, но светящийся совсем по-иному. Он то совсем исчезал во тьме, то ярко вспыхивал, но угасал так же быстро, как появлялся.

Внезапно Ксюша поняла, что гораздо больше, чем страх, её мучило сострадание; казалось даже, что лучше страдать самой. Но нет, нельзя. Должен быть другой выход. «Господи! – подумала Ксюша. – Господи, сохрани мой разум!»

Ричард оказался тот самый, что давеча подсел к ним с Дашей в уличном кафе. Только теперь он выглядел гораздо хуже, словно с момента их последней встречи прошёл не один месяц, на протяжении которого его терзала болезнь вроде чахотки или похуже. К тому же вид у него был несколько безумный.

– А! Дора! – кинулся Ричард к Дормедонту Александровичу с распростёртыми объятиями. – Я собирался всё починить, честное слово! У меня ещё ведь пять лет на это оставалось! А почему ты, собственно, проснулся?

Ричард чувствовал, что теряет рассудок. Глаза застилал красный туман, а в мыслях пульсировал один единственный образ горячей живой крови – крови, которая не застыла в венах, а всё ещё течёт... горячая... её кровь. Всё, что нужно – это подняться на второй этаж. Нет! Что там Дора говорил

о контроле разума над телом?

По правде говоря, Рич никогда особенно не слушал Дору. Он никогда не придавал этой части человеческой личности большого значения – полагал, что горячее сердце и верный инстинкт значат гораздо больше. Он вспомнил лицо друга, говорившего с грустной улыбкой: «Уверяю тебя, в сложившейся ситуации твоё сердце остынет довольно быстро. Что же касается инстинкта, то у существ, вроде нас с тобой, есть только один инстинкт – ты знаешь, какой».

Дора был прав. Разумеется, а как же иначе! Дора всегда прав – он всегда полагается на этот чёртов смысл и на этот чёртов разум! До сих пор Ричарда сдерживало вовсе не сердце и уж тем более не инстинкт. Это был страх перед тем, что лежало в тайнике под склепом, и перед тем, что он столько раз видел, – перед тем, что гложущий голод заставляет тебя съесть собственную душу. Перед тем, что превратило в бессмысленных тварей его товарищей. Одного за другим.

Но он удержался – каким-то чудом он удержался. У него была сила воли и чувство юмора, и воля к жизни – это всё, что у него было! А теперь... теперь всё это разом исчезло, стоило лишь раз увидеть её живую.

Как он мог позволить ей умереть?! Как он всё это время жил без неё?! И главное, как он мог позволить себе желать её крови?!

Дора окинул его сверху вниз взглядом холодных черных глаз и ответил коротко, покосившись в сторону вошедшей

Ксюши:

– Женщина плакала.

Ричард воззрился на Ксюшу, в глазах мелькнуло узнавание, он облизал белые губы.

– Она ещё жива? – спросил Дормедонт Александрович металлическим голосом.

Ричард продолжал, не отрываясь, смотреть на Ксюшу с несколько странным, немного отсутствующим выражением.

– Дора, ты ещё не ужинал, – сказал он. – Тебе надо немедленно поесть, если ты не хочешь...

– К чёрту ужин, – с неожиданной эмоциональностью рявкнул Его Сиятельство, достал из внутреннего кармана пальто фляжку, отвернул крышку и сделал большой глоток. – Она ещё жива? Где она?

Но Ричард его не слушал, он, как замороженный смотрел на Ксюшу и медленно, бесшумно приближался к ней.

Ксюша инстинктивно вжалась в стену, но отскочить не пробовала, боясь, что резкое движение может спровоцировать неуравновешенного типа.

Её покровитель отреагировал мгновенно, ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы закрыть фляжку убрать её во внутренней карман, после чего из его трости, вспыхнув, выскользнул блестящий клинок, мгновенно оказавшийся между Ксюшей и Ричардом.

– Ещё шаг и я отрублю тебе голову – клянусь, – ледяным голосом сказал Его Сиятельство. – Только представь, что те-

бе всё время придётся носить с собой в руках свою голову.

– Думаю, это уменьшит мою популярность у девушек, – усмехнулся Ричард.

Он остановился, но всё ещё не сводил с Ксюши этого своего неприятного взгляда.

Дормедонт Александрович одним движением очутился там, где только что сверкал его клинок, и внимательно посмотрел другу в лицо.

– Э-э, батенька, – протянул он, – я погляжу, ты совсем осатанел. Меня насчет ужина спрашиваешь, а сам-то ты сколько дней не ел?

Не дожидаясь ответа, Его Сиятельство одной рукой схватил Ричарда, другой – достал фляжку, зубами свернул колпачок, и влил содержимое ему в горло.

Ричард тяжело выдохнул. Цвет его лица, насколько можно было судить в полумраке холла, изменился к лучшему, да и взгляд стал менее ошалелым.

– А ты как же? – тяжело прохрипел Ричард.

– Решу эту проблемку как-нибудь. Теперь рассказывай, давай.

Ричард сделал жест, означающей, по всей видимости, отсутствие нужных слов.

– Ладно, – Дормедонт Александрович спрятал лезвие обратно в трость. – Отвечай – да или нет. Она жива?

– Да, то есть понимаешь, я не справился с собой... я...

– Что, всё так плохо?

– Нет! Я успел только усыпить её, я тут же опомнился... И она там лежит уже полутора суток. Я боюсь к ней приблизиться. Боюсь, что опять не справлюсь.... Я...

– Отведи нас туда.

– Но я... я... – Ричард запустил пальца в волосы, и вид у него опять стал безумный.

– Я не дам тебе не справиться с собой, – мрачно пообещал Дормедонт Александрович, – даже если для этого мне придётся зарыть тебя в подвале на несколько дней.

В комнате было очень пыльно и темно. Все свечи внезапно зажглись, когда Дормедонт Александрович щёлкнул пальцами, но и они не давали достаточно света. Их было немного, да и те, что были, сильно заплыли. На старинной дубовой кровати с поднятым балдахином лежала женская фигура. Ксюша немедленно бросилась к ней.

Даша лежала совершенно неподвижно, очень бледная и будто не дышала. Ксюша схватила подругу за руку и попыталась прощупать пульс, но пульса, казалось, тоже не было, и рука была ледяная.

Ксюша взвыла, как раненый зверь, и разразилась рыданиями.

– Отчего Вы на этот раз плачете? – спросил не то чтобы ледяной или стальной, но уж больно бесстрастный голос у

неё за плечом. – Не уподобляйтесь, пожалуйста, моему другу – в критической ситуации одного сумасшедшего более чем достаточно.

– Она умерла, умерла! – выла Ксюша.

– Да жива она, уверяю Вас. От неё совершенно не пахнет смертью. Это всего лишь глубокий летаргический сон. И неудивительно, ведь уже больше суток прошло. Вот смотрите.

Он извлёк из кармана маленькое зеркальце и поднёс к носу Даши. Зеркальце слегка запотело.

– Вот видите – она дышит, – в его голосе прозвучала даже некая успокаивающая нотка.

Ксюша мгновенно прекратила завывать и даже попыталась прекратить всхлипывать.

– Вы можете её разбудить?

– Мы нет, но... мы что-нибудь придумаем.

Он улыбнулся ей – очень сдержанно, но всё же на какой-то краткий миг Ксюша почувствовала, что не одна.

В комнату прошаркал крайне мерзостный старик и подбострастно уставился на Дормедонта Александровича. И дело было не столько во внешности, хотя и она была не слишком приятна – слишком старик был скрюченный, обросший и обрюзгший. Дело было в некой ауре – ощущении мерзости, которое он распространял вокруг себя.

– Что прикажете, Ваше Сиятельство? – проскрипел он.

– Крови... волчьей. Литров шесть – не меньше. Я и сам-

то едва на ногах держусь, а мне ещё этого истерика в чувства приводить.

– Сей же час сделаю! Подать сюда-с?

– Нет, на кухню. И сытный человеческий ужин для леди. Его подай в зеленую спальню. И смотри у меня, чтоб без фокусов – только попробуй учудить что-нибудь, и выгоню из дома на свет Божий, так и знай!

Старик неприятно оскалился в сторону Ксюши, но всё-таки без слов удалился.

– Везёт тебе, – вздохнул Ричард, провожая старика взглядом. – Вертишь им как хочешь. Меня он ни в жизнь не слушает.

– Просто тебе лень разбираться, как им управлять. Простите, Ксения Даниловна, что не приглашаем Вас собой с собой ужинать, но наше питание – зрелище не из приятных, поверьте. Идемте, я покажу Вам Вашу комнату. Боюсь, Вам придется остаться здесь до вечера. Провожать Вас мне слишком поздно, а одну я Вас не отпущу – слишком опасно. Да и насколько я понял, Вы не захотите оставлять свою подругу в таком состоянии.

Ксюша кивнула.

– И прошу не поддавайтесь на провокации старого пройдохи – уверен, он будет пытаться известить Вас, но прямо он ничего сделать не может – так что просто не разговаривайте с ним и не слушайте, что он будет болтать.

– Вы питаетесь волчьей кровью? – спросила Ксюша

несколько отрешённо.

– Мы любой кровью питаемся, – отозвался Дормедонт Александрович совершенно спокойно, словно объяснял принципы садоводства или что-то столь же обычное. – Просто мистические и физические качества волчьей крови наиболее уместны во многих случаях. Довольно часто также возникает необходимость в медвежьей крови. Действие же человеческой крови очень неоднозначно... Я бы сравнил её с наркотиком – она вызывает привыкание и множество побочных действий. Хотя считается, что бывают случаи, когда ничто другое... я всегда это оспаривал. Завораживающее наркотическое действие человеческой крови столь велико, что слабые натуры не могут против неё устоять, даже если ни разу к ней не притрагивались. Их гибель – не вопрос времени – это дело одного момента.

Ксюша проспала едва ли пару часов. Ей опять снились подземелья, где гулял смрадный ветер разложения – впрочем, на этот раз это было совершенно неудивительно. Она встала, оделась и принялась в рассеянии бродить по дому, огромному, пыльному и совершенно пустому. Дойдя до комнаты, где лежала Даша, она села на край её кровати и некоторое время смотрела на подругу, потом взяла зеркальце, всё ещё лежавшее на прикроватном столике, поднесла к приот-

крытому рту Даши. Зеркальце запотело.

Ксюша поднялась, не зная, что, собственно, ей следует делать дальше. И тут в комнату вошёл давешний мерзкий старик. Он воззрился на девушку полным ненависти взглядом красных слезящихся глазок и заскрежетал:

– Я знаю, знаю, зачем ты пришла!

Ксюша взглянула на него с безразличием и подошла к окну. Оттуда открывался чудесный вид на поросшие лесом холмы, полого спускающиеся к морю, и белый, словно жемчужина, город на берегу. Девушкой овладело некое бесчувствие.

– Ты пришла, – продолжал старик, – чтобы убить его.

– В таком случае Вы знаете больше, чем я.

Старик презрительно фыркнул:

– Тебе меня не обмануть! Не прикидывайся ягнёнком – ты не позволишь себя сожрать – только не ты! Ты возьмёшь его за руку и отведёшь к этому вашему Богу. Ты всегда считала, что душа будет счастливой и свободной рядом с Богом. Но что может знать о счастье этот ваш Бог, сидя у себя в облаках, таких белых, таких пресных. Счастье – это страсть, счастье – это кровь, это убийство слабых!

– Интересная теория, впрочем, не новая и довольно распространённая, – отозвалась Ксюша, пытаясь открыть распахнутое окно. – Но если Бог и есть где-то, то в облаках его точно нет, это доказано учеными ещё сто лет назад.

– Ты говоришь как хозяин, но тебе меня не обмануть – я

знаю, это ты внушила ему такие мысли.

– Думаю, с тобой бесполезно спорить, но мне нет дела до твоего хозяина, единственное, что я хочу, это разбудить подругу и убраться отсюда.

– Ну, так разбуди её, – насмешливо прошамкал старик.

– Скажи, как.

– За горой есть брошенный монастырь, там, в скрытом храме есть потир – напои из него подругу, и она проснётся.

Ксюша обернулась и посмотрела на старика:

– Поклянись жизнью хозяина, что это правда.

– Клянусь, – гаденько усмехнулся старик.

«Там подвох, это точно, – подумала Ксюша. – Ну, ничего, наше дело правое – всё лучше, чем здесь сидеть».

– Проводи меня к выходу.

– Сию минуту, госпожа, – и старик зашаркал из комнаты, противно хихикая.

День был чудесный и солнечный. Лес благоухал запахами прогретых солнцем смолистых деревьев. Но царившие вокруг покой и красота казались Ксюше показными, неискренними и раздражали.

За горой действительно оказался монастырь, который, как и усадьба, начал уже медленно превращаться в руины. В этом, во всяком случае, старик не соврал. Она смотрела на

него сверху, но приближаться ей не хотелось. Девушка перекрестилась, прочитала «Отче наш» (единственную молитву, которую она знала) и начала спуск.

В лощину солнечный свет не проникал, поэтому было сумрачно, и с веток деревьев то и дело падали крупные капли. Кое-как протиснувшись между покосившимися створками ворот, Ксюша столкнулась нос к носу с католическим монахом.

– Что привело тебя к нам, дочь моя? – слащаво нараспев произнес монах.

«Плохо, – подумала Ксюша. – Очень плохо. Старик сказал, что монастырь заброшен, да и снаружи он не выглядел жилым. Видимо, в этом и состоит подвох». Но страха девушка не чувствовала. То есть, ею владело некое неприятное предчувствие, но воспринималось и принималось сознанием оно холодно и безразлично. Похоже, она устала бояться.

– Я думала, монастырь необитаем, – Ксюша решила действовать в лоб.

– Боюсь, что нет, дочь моя. Боюсь, что нет, – всё также слащаво пропел монах.

– Что ж, тогда я пойду, – сказала Ксюша, отступая к двери.

– Боюсь, что нет, дочь моя. Боюсь, что нет, – пропел монах.

– Простите?

– Мы не можем тебя отпустить, – ласково улыбнулся монах. – К нам так давно никто не заходил...

При последних его словах по полу пополз туман, глаза монаха впали и вспыхнули красным, кожа побелела и обтянула череп, да и весь он словно бы ссохся и стал похож на мумию.

– А нам ведь тоже надо чем-то питаться, – закончил он.

По углам горели свечи, напротив входа в стене была ниша, где стояла скульптура, изображавшая деву, заломившую руки и в невыразимой тоске воздевшую очи горе, у стен стояли два каменных саркофага.

Дормедонт Александрович лежал в одном из них и пытался забыться. Почти сто лет прошло, а ему всё ещё с трудом удавалось переносить своё состояние.

Ричард любил говорить, что ему плевать, жив он там или мёртв. Главное, что девушки всё также прекрасны, а соловьи всё также громко поют весной, а единственное, о чём он, Ричард, сожалеет, так это о том, что вкус дорогих игристых вин ему недоступен. Впрочем, в этом месте Рич всегда поправлялся: «не считая той первой ошибки».

Что ж, Дормедонт Александрович вполне мог поверить другу, но понять он его не мог никогда, даже когда они оба были детьми.

Он часто задумывался о том, стали бы они с Ричем друзьями, если бы в округе были другие дети. Крестьянские ребяташки не в счёт – они, как и их родители, для помещиков

были существами совсем уж другого мира.

Родители Доры и Рича тоже принадлежали к разным мирам. Отец Дормедонта Александровича был графом, придворным и преуспевающим промышленником, покровителем наук и искусств. Свою загородную резиденцию он хоть и построил далеко от столицы (на земле предков), но уж строил её по последнему слову техники – с электричеством, водопроводом, газовыми печами на кухне, даже железную дорогу подвёл, чтобы гостям из Санкт-Петербурга было удобнее добираться. Сам дом и хозяйственные постройки были стилизованы на манер готического замка с бесконечными башенками, шпилями и витражами, спроектированными лучшими художниками и архитекторами того времени. Был и театр, где выступала как специальная собранная для него труппа, так и многие труппы, приезжавшие с гастролями в уездный город. Усадьбу окружал ботанический сад редчайших растений со всего мира.

Совсем другим был отец Ричарда. Мелкий уездный помещик, он проводил всё время в питие и охоте. Пределом честолюбивых мечтаний его было подстрелить уссурийского тигра, которого отец Доры держал в ботаническом саду. А вся помещичья усадьба уступала графской конюшне как размерами, так и монументальностью.

Но всё же было у Доры и Рича и кое-что общее, например, скучные гувернёры, от которых они оба так любили убежать. Кроме того, они оба любили лошадей и диких зверей. В

совсем юном возрасте им доставляло невероятное удовольствие мешать взрослым охотиться, спугивая дичь. Но Рич делал это скорее из озорства, а он... Даже когда он попал на войну, самой страшной вещью на свете для него так и остался застывший остекленевший взгляд, неважно, животного или человека. Существо, в котором ещё какой-то час назад кипела жизнь, пульсировала кровь, билось сердце, внезапно замирает и больше уже ничего не может сделать – превращается в предмет. Любую боль можно перетерпеть, любое страдание перенести, но это... Этот взгляд означает, что всё кончено. И именно такие застывшие глаза теперь всегда смотрели на него из зеркала.

Впрочем была ещё одна вещь, которую с самого детства не переносил Дормедонт Александрович, – это кровь. В детстве графский сын даже пару раз падал в обморок от одного её вида. Ричард долго потом над ним смеялся. Необходимость скрывать собственную чувствительность ещё при жизни приучила его носить маску безмолвного превосходства, теперь по этой причине он предпочитал проводить почти всё время в некоем полусне–полутрансе, наполненном кошмарами прошлого и будущего. Это было во всех отношениях скверное состояние, за исключением одного – не надо было пить кровь. Дормедонт Александрович верил, что холодный ум может преодолеть любое наваждение, но преодоление отвращения к смерти и крови давалось ему невероятным трудом. Вполне возможно, что именно это отвращение позволи-

ло ему продержаться так долго. Отвращение и чувство вины.

От раздумий Дормедонта Александровича отвлекло резкое болезненное чувство. На мгновение в его мысли вторглось видение девушки, окруженной толпой нежити. Он громко чертыхнулся. Плита с одного из саркофагов сдвинулась, и Дормедонт Александрович восстал из тлена.

– Что ты собираешься делать, Дора? – обеспокоенно спросил Ричард. – Ты же не собираешься, в самом деле, идти за ней?! Там же солнце!

– Нет! – закричал старик, который как раз перед этим с невинным видом вытирал пыль с крышки саркофага, повалился на пол и вцепился в ногу хозяина.

Дормедонт Александрович схватил дворецкого за шкуру, отшвырнул с такой легкостью, будто это был щенок и рявкнул:

– Оставь меня! – и кинулся вверх по лестнице.

Ксюша сжала в кулаке бабушкин крестик.

– Господи, спаси и помилуй меня грешную! – воскликнула она, успев краем глаза заметить, что на неё наступает со всех сторон никак не меньше двух десятков чудовищ.

Почти тут же она услышала над головой хлопанье гигантских крыльев. И ещё до того, как Ксюша успела поднять го-

лову, прямо перед ней лицом к ходячим трупам приземлился на корточки обладатель крыльев.

– Мать... Божья! – проворчал он знакомым голосом. – Со всем координацию потерял – без практики-то, – повернул голову и подмигнул Ксюше.

– М-ман? – она узнала парня, что давеча вернул ей крестик.

– Угу, – Ман пару раз хлопнул необъятными крыльями (перья в них были белыми, с кремовыми подпалинами, как то перо, что девушки нашли на улице) и оценивающе окинул дворик монастыря орлиным взором. Монахи немного отступили. – Крестик у тебя хороший, но на такую толпу маловат.

– Откуда ты взялся?

– Разве не понятно – с неба упал. Скоро совсем летать разучусь. Я тут поблизости был, подозревал, что рано или поздно понадоблюсь.

– В прошлый раз у тебя крыльев не было.

– Я их прятал. Я ещё огненный меч прячу, на всякий случай. Хочешь посмотреть?

– Д-давай.

Ман взмахнул рукой и выхватил из воздуха меч, у которого вместо лезвия полыхал столб пламени.

– К-как у архангела Михаила, – пробормотала Ксюша.

– У него лучше, – возразил Ман, – но для наших нужд и этого хватит.

Он взмахнул мечом, и монастырь охватило пламя. Когда

оно опало, весь двор был устлан ровным слоем пепла, и мёртвых монахов не было.

Ман взглянул на наручные часы:

– Через сорок две с половиной минуты они вернутся в двойном размере и не одни. Побежали! – он протянул Ксюше свободную руку.

– Куда?

– За чашей. Ты ведь за ней пришла?

И они побежали. Многочисленные дворики, переходы и балюстрады, которые они пробегали, смешивались перед глазами. Ксюша запыхалась, совершенно не понимала, куда бежит, и ей казалось, что это никогда не кончится, когда они наконец оказались в маленькой часовне с витражным потолком, где на алтаре стоял серебряный потир, охваченный белым огнем.

– Вот, – Ман ободряюще похлопал Ксюшу по плечу, – бери его.

– Почему я?

– Ну... он ведь тебе нужен, разве нет?

– Нет, моей подруге, то есть мне сказали, что он ей нужен, но я не знаю точно...

– Бери, если у тебя чистое сердце и благородные намеренья, если нет, то лучше оставим это.

– Я не знаю.

Он улыбнулся мягко и обнадеживающе и весь словно светился, а может быть, и светился на самом деле...

Ксюша подошла к алтарю. Её пальцы прошли сквозь пламя и сомкнулись на ручке чаши.

Ман опять взглянул на часы.

– Осталось полминуты – уходить будем через потолок, – и запел. То есть взял глубокую чистую ноту и вёл некоторое время. Витраж на потолке задрожал и рассыпался. – Отлично, теперь хватай меня за шею.

Где-то не так далеко раздался душераздирающий вой.

– Быстрее!

Ксюша взобралась Ману на спину, он пару раз нервно хлопнул крыльями и взмыл в небо. Монастырь окутало облако тьмы, где то и дело выскакивали то хвост, то рога, то вспыхивали кроваво красные глаза.

– Ничего, оттуда ему не выбраться, – сказал Ман.

– З-знаешь, у меня есть вопросы, – прошептала Ксюша, оглядываясь через плечо на бушующего в монастыре демона.

– Думаю, у тебя их много, – усмехнулся Ман. – Неприятно действовать вслепую, да? Но времени у нас мало. Сначала мы снимем с твоей подруги черные чары, потом надо будет привести в порядок её тело, а потом...

– А потом?

– Потом мы как следует всё обсудим.

Ман забил крыльями и начал снижаться.

– Что случилось? До усадьбы ведь ещё далеко?

– Я вижу в лесу знакомого. Осторожно – посадка будет

жесткой.

В паре метров от земли Ман совершенно потерял равновесие, и они свалились в кусты орешника. Когда они наконец выбрались оттуда, Ман указал на ссохшиеся останки, лежавшие в паре метров от них.

– Вот, – сказал он.

Ксюша отметила про себя, что не слишком шокирована – в конце концов, в отличие от монахов, они не двигались.

– Привет, Дора, – обратился Ман к телу. – Надо отдать тебе должное, ты забрался довольно далеко по такому-то солнцу.

И тут к ужасу Ксюши тело заговорило, с трудом открывая рот и едва ворочая почерневшим языком:

– Приветствую, Эммануил. Если бы на этом проклятом небе было хотя бы с десяток облачков, я бы смог осуществить задуманное.

Ксюшу передёрнуло. Она вцепилась в рукав штормовки Мана и зажмурилась.

– Эммануил, – продолжало тело, – если ещё не поздно, там в монастыре...

– Да я знаю, Дора, – не дал договорить Ман. – Я забрал её оттуда вместе с потиром.

В его голосе прозвучала какая-то поистине неземная печаль. Казалось, каждый звук трогает определенную струну в душе, заставляя её дрожать и петь с невыразимой грустью.

Ксюша перестала жмуриться и посмотрела на Мана. Он

смотрел на говорящие останки, и вся его фигура словно истончилась и стала прозрачной, пронизываемая золотыми лучами света. А его лицо, нет лик... Ксюша, изучавшая в МАРХИ историю искусств, видела множество изображений скорбящих ангелов, но ни одно из них не было так прекрасно и так печально...

Девушка почувствовала, как эта красота и эта печаль передаются ей, вселяя неведомое раньше мужество.

Ман поймал её взгляд и тут же весь как-то собрался и приобрёл вполне телесный и определённый облик. В этот момент Ксюшу внезапно пронзило осознание. Её взгляд скользнул по телу и остановился на руке в лайковой перчатке.

– Д-дормедонт Ал-лександрович? – спросила она дрожащим голосом.

Тело, которое и в самом деле принадлежало Дормедонту Александровичу, с трудом открыло заплывшие глаза и покоилось на Ксюшу.

– В-вчера вы выглядели гораздо лучше, – Ксюша с удовольствием отметила, что ей удалось заставить свой голос дрожать не так сильно.

На лице Дормедонта Александровича изобразилась чуть заметная кривая усмешка – чувствовалось, что как слова, так и мимические жесты даются ему с большим трудом.

– Это солнце, – пояснил Ман. – Оно сжигает его.

– Но в монастыре...

– Над монастырем нависла вечная тьма.

– А если сжечь Дормедонта Александровича твоим мечом, разве его душа не станет свободной?

– Моих сил на это не хватит, – мрачно покачал головой Ман. – Мы добьёмся только того, что он будет восстанавливаться дольше и мучительнее обычного.

– Ну тогда, – решительно сказала Ксюша, – надо забрать его отсюда – я имею в виду спрятать от света.

– Я не могу к нему прикоснуться – он рассыплется, – вздохнул Ман.

– Не говорите глупостей, – возразил Его Сиятельство. – Берите кубок и идите, спасайте подругу, я полежу здесь до вечера. Не в первый раз...

– И часто ты так загораешь? – ехидно спросил Ман.

– Нет, но...

– Сами не говорите глупостей, – Ксюша села на корточки рядом с телом. – А если кто-нибудь найдёт Вас здесь? Его же инфаркт хватит – это не гуманно. Я отнесу Вас.

– Только осторожнее, – вставил Ман. – У него сейчас суставы очень хрупкие – ещё оторвешь руку ненароком.

Ксюша нервно мерила шагами холл больницы. После того, как они напоили Дашу из добытой в монастыре чаши, она стала дышать более отчётливо, и пульс появился, но в созна-

ние она так и не пришла. Дормедонта Александровича по его собственному настоянию они зарыли в подвале известной виллы, где он опять же, по его собственному выражению, собирался «отлежаться пару дней». Ман настоятельно советовал Ксюше «не волноваться за Дору», потому что если бы тот и мог лишиться рассудка, то уж точно сделал это ещё лет сто назад. Но инцидент этот произвёл на девушку, пожалуй, даже большее впечатление, чем мёртвые монахи, потому что было совершенно ясно, как к тем следует относиться.

К Ксюше быстрым шагом подошла медсестра:

– Вашей подруге гораздо лучше – слава Богу, кризис миновал. Сейчас она отдыхает.

– Когда я смогу увидеть её?

– Вероятно, уже сегодня вечером.

– Могу я поговорить с доктором?

– Эммануил Святославович через десять минут пойдёт на обед – он просил Вас подождать его в холле.

Ксюша рассеянно кивнула и продолжала мерить шагами холл до тех пор, пока не спустился Ман. Крыльев на этот раз у него, разумеется, не было.

Обедали они в том же самом кафе, где в их первую встречу Ман кормил Ксюшу мороженым. Но на этот раз кусок не шёл ей в горло.

– Как насчёт моих вопросов? – спросила девушка.

– Спрашивайте, – улыбнулся Ман.

– Этот Ричард и Дормедонт Александрович он... они вам-

пиры?

– Нет.

– Нет?

– Ну... на самом деле, конечно, всё зависит от того, что ты вкладываешь в это слово...

– Послушайте, вы ведь обещали мне всё рассказать!

Ман протёр губы салфеткой:

– В самом деле?

Ксюша укоризненно воззрилась на него.

– Ну хорошо, только учти, я не собираюсь доказывать тебе истинность моих слов.

– Я тебе верю, – сказала Ксюша.

– Раньше эта территория принадлежала России, как ты, должно быть, знаешь из истории. В гражданскую войну весьма потрепанный отряд Белой гвардии был зажат между горами и морем в этом городе превосходящими силами противника. Этот отряд пытался сохранить некоторые реликвии, в числе прочего и тот потир, что до последнего времени хранился в монастыре в горах. В отряде были самые разные люди, даже представители одной из чудом уцелевших масонских сект. У белых не было никаких шансов, и тогда было принято решение, предложенное сектантами. Господа офицеры решили совершить масонский обряд, который сделал бы их бессмертными стражами реликвий. Это бы наверняка позволило им отстоять город.

– Что же такого было в этих реликвиях?

– Ну реликвии, как мы с тобой имели шанс убедиться, и вправду кое-чего стоили, кроме денег. Но они себе уже мало интересовали офицеров. Для большинства из них это был шанс отомстить, дать выход своей горечи и безысходности. Кроме того, у двух офицеров были любимые в городе, а если бы Красная Армия вошла туда, вряд ли кому-то из жителей удалось спастись. Они понимали, что, скорее всего, рискуют своей бессмертной душой, но ради любимых были готовы отдать даже её.

– Эти двое – это Ричард и Дор...

Ман кивнул.

– Сарказм заключался в том, что их товарищи, чтобы сделать чёрную магию более стойкой, совершили человеческое жертвоприношение без их ведома. И в жертву были принесены...

– Любимые девушки.

– Да. Перед смертью девушки, правда, пообещали вернуться с того света и разрушить чары. Они хотели спасти возлюбленных, – Ман посмотрел в окно на внутренний дворик. – Так что они не вампиры в обычном понимании – они стражи. Разумеется, они уже давно не живы, но чары не дают их душам покинуть тело. Свои мертвые тела им приходится поддерживать разными средствами: землёй, кровью... возможно чем-то ещё. Я не силен в магии, я скорее в теологии специалист... В таком состоянии только им двоим удалось сохранить рассудок. Хотя сохранность рассудка Рича порой

вызывает у меня сомнения. Но если честно, по-моему все из того отряда, кроме них, потеряли рассудок задолго до того, как умерли.

– А ты тут каким боком? – спросила Ксюша.

Её сознание до сих пор отказывалось переваривать услышанное.

Ман помешал сахар в кофе.

– Понимаешь, заклинание предполагало призыв духа из эфемерного мира, на роль хранителя. Обычно ангелы в таком не учувствуют, но мне стало их жалко. Если б в эту и без того аховую ситуацию вклинился демон, то она бы стала безвыходной.

– То есть ты хранитель всего этого?

– На самом деле, ничего, кроме доброй воли, меня не связывает. Мое присутствие как бы закрывает дырку между пространствами, чтоб ничего злокозненного в неё не лезло.

– А тебя это не утомляет? Ты не чувствуешь себя не на своём месте?

– Конечно, физическое тело тяжёлое, и людские страдания сильно на меня действуют, но я утешаюсь тем, что Доре и Ричарду гораздо хуже и они нуждаются в моей поддержке. Да и потом, по сравнению с теми миллиардами лет, что я парил горних высях возле Его престола, распевая: «Вечно славься, Господь Саваоф!» – здесь я всего лишь пару мгновений.

– Так ты предполагаешь, что Даша... она вернулась, чтобы

освободить Ричарда?

– Нет.

– Нет?

– Нет. Я знаю, что это так. И что ты теперь собираешься делать?

– Заберу Дашу и уеду отсюда. Тем более, что Дормедонт Александрович просил меня так поступить.

Ксюша присела на краешек больничной койки, и Даша крепко сжала её руку.

– Прости меня, – сказала она.

– За что? – удивилась Ксюша.

– Тебе столько пришлось из-за меня поволноваться. Эммануил Святославович мне всё-всё рассказал.

Ксюша почувствовала, как бледнеет.

– Всё-всё? – переспросила она.

– Ну да, как ты искала меня несколько дней, и как местная полиция не хотела тебе помогать, и как ты случайно нашла меня в лесу без сознания. Я бы уже с ума сошла, если б мне пришлось искать так кого-то.

– Ох, Даш...

– По правде говоря, я не помню, что случилось, но я уверена, что Ричард тут ни причём...

Ксюша настороженно покосилась на подругу.

– Ну, тот Ричард, помнишь, что мы повстречали в кафе. Он удивительный!

– Не сомневаюсь, – пробурчала себе под нос Ксюша.

– Он столько всего знает, и у него такая прекрасная вилла, хоть и запущенная немного... Ах! – воскликнула Даша, поднимая сияющие глаза к потолку. – Я непременно должна снова найти его!

– Даш, послушай, мне не хочется тебе это говорить, но...

– И не начинай! Я знаю, что ты хочешь сказать, но ты просто его не знаешь – такой человек не может сделать ничего плохого!

Ксюша помотала головой:

– Нет, не то... Понимаешь... он умер, Даша, – она знала, что не сильно грешит против истины.

– Умер?! Как?!

– Я не знаю подробностей, но мне сказали, что он пытался спасти твою жизнь... – «Правда, не особенно удачно», – добавила про себя Ксюша.

– Нет! – по лицу Даши тут же ручьями потекли слёзы.

– Даша, перестань. Тебе нельзя плакать сейчас, ты ещё не выздоровела, – Ксюша попыталась обнять подругу.

– Оставь меня! – Даша отмахнулась от её объятий. – Мне незачем жить, если он умер!

– Не глупи, – Ксюша залепила ей пощёчину. Она слышала, что это лучшее средство от истерики. И когда Даша удивленно воззрилась на неё, произнесла медленно и отчётливо:

– Ты хочешь сказать, что он погиб зря?

Ман помогал Ксюше собирать вещи. Даша в очередной раз незаметно выскользнула из комнаты, чтобы оставить их наедине и заодно тихо поплакать где-нибудь в уголке.

– Это был рискованный шаг, – сказал Ман тихо, чтобы Даша их не услышала.

– Тем не менее, действенный, – отозвалась Ксюша так же тихо. – По правде говоря, я никогда бы не решилась на такое, задумайся я хоть чуть-чуть, но это было минутное вдохновение.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась, и на пороге возникла Даша. Тушь у неё расплылась и растекалась по щекам чёрными полосами. В одной руке она держала корзину цветов, в другой – распечатанное письмо.

– Ксюша! – закричала она. – Ксюша, как ты могла! Ты сказала, что он умер, а он вот – это его почерк, и число сегодняшнее!

– Но она сказала правду, – вступился Ман.

– Это как же? – гневно воскликнула Даша.

Ман опустил на пол собранный чемодан.

– Пойдёмте. Есть кое-что, на что вам стоит взглянуть.

Часовня, стоявшая на обдуваемом всеми ветрами холме у моря, была та самая, на пороге которой в памятную ночь рыдала Ксюша. Заходящее солнце играло на шпиле её островерхой башенки в готическом стиле, пробиралось внутрь через узкие решётчатые окна и бросало желтовато-розовые блики на два саркофага, стоявшие у стен, как и в подвале виллы. На том, что стоял справа от входа, значилось: «Ричард Львович Грей», а на том, что слева – «Граф Дормедонт Александрович Храповицкий».

– Это что шутка такая?! – завизжала Даша. – Видеть вас обоих больше не хочу!

– Просто спроси у него об этом, ладно? Ты ведь встречаешься с ним сегодня после заката, верно? – Ксюша не хотела, но ударения на словах «после заката» вышло само собой.

Даша просто задыхалась от гнева:

– Я...! Я...! Я не только спрошу – я... я... всё-всё ему про вас расскажу! Вы... вы... подлые! – она выскочила из часовни и стала спускаться по тропинке к пляжу.

– Я тоже пойду, – сказал Ман.

– Подожди. Как, по-твоему, можно снять это проклятие? Ты ведь ангел, ты должен знать.

– Ну... как ангел, я могу лишь сказать, что такого рода проклятие способна снять только Любовь – высшая всеобъемлющая Любовь, лишённая всякой человеческой мелочности. Пути могут быть разные, я уже говорил, что не силён в

черной магии.

Ксюша рассеяно кивнула. Она села на прогретые солнцем каменные ступени и стала смотреть на море. Ман ушел.

Граф появился через час после захода солнца и выглядел обычным человеком (в отличие от их последней встречи), разве что одетым весьма и весьма старомодно. Он остановился напротив Ксюши и спросил несколько раздраженно:

– Что Вы здесь делаете? Я же просил Вас уехать.

– Я думаю над этим, – отозвалась Ксюша.

– И что же вы думаете?

– Я всё ещё не уверена, что совесть позволит мне уехать без Даши.

– Разве она не едет с Вами?

– Нет. Ваш компаньон прислал ей прочувствованное любовное письмо, теперь её можно будет увезти только связанной и с кляпом во рту. Я одна с этим не справлюсь.

Возникла неловкая пауза, которую нарушил Дормедонт Александрович:

– Что ж, – сказал он, – тогда мне не остается другого выхода – я буду учить Вас.

– Учить чему?

– Защищать себя. Только не сегодня, я всё ещё не очень хорошо себя чувствую.

Они опять помолчали немного, после чего он спросил:

– Вам не холодно здесь, на ступенях? Может, немного пройдёмся по пляжу?

– С Вами хоть на край света, – шутиливо отозвалась Ксюша.

Дормедонт Александрович пристально посмотрел на неё, и в его взгляде скользнула боль. В этот момент Ксюша поняла, что сказала правду. Открытие было поистине пугающим и в то же время приятно заворачивающим. Поднимаясь, она с удовольствием опёрлась на предложенную им руку – ту самую руку, которую она могла ненароком оторвать, когда переносила бранные останки в подвал усадьбы из леса. У неё до сих пор внутренности завязывались в узел от одного воспоминания об этом. И Ксюша не переставала удивляться тому, как она это пережила. Но ведь это мёртвое тело – это всего лишь его тюрьма, а он...

Дальше Ксюша не успела додумать, потому что не прошли они и ста метров по пляжу, как увидели бегущую к ним Дашу, которая захлёбывалась от рыданий:

– Ксюша! Ксюша! – кричала она. – Прости меня! Ты была права! Ты всё знала! Ты пыталась меня предупредить! Он... он мне показал! Он чудовище, живой труп! Ксюша, что мне делать?!

Ксюше стало страшно неловко перед своим спутником, она слегка сжала его руку и посмотрела в непроницаемое лицо:

– Простите нас, – попросила она.

На один краткий миг с лица Дормедонта Александровича спала каменная маска, и он печально улыбнулся Ксюше.

– Всё в порядке, – сказал он.

Ксюша обняла рыдающую подругу:
– Идём домой, Даш, там всё обсудим.

Даша пила чай с валерьяной, судорожно вцепившись в чашку. Ксюша распаковывала один из планшетов.

– Ксюша, ты меня удивляешь! Как ты можешь быть такой спокойной?!

– Просто я уже устала волноваться.

Ксюша прикрепила к планшету лист ватмана и принялась рассеянно водить по нему карандашом:

– Почему бы нам просто не собрать вещи и не уехать?

Даша всхлипнула с особенным чувством, и губы её опять задрожали:

– Я не могу – я люблю его!

– Любишь его высшей всеобъемлющей Любовью, лишённой всякой человеческой мелочности?

Даша удивлённо воззрилась на подругу. Ксюша вздохнула и, не переставая рисовать, пересказала ей всё, что узнала от Мана.

– То есть я могу снять проклятие? – воскликнула Даша.

– Похоже на то, – ответила Ксюша. Она окинула набросок портрета взглядом и отложила карандаш.

– Только вероятность мала, а риск непомерно велик, – сказал нарисованный на портрете Дормедонт Александрович. –

Но даже если это и удастся, вы уже всё равно не сможете быть вместе в этом мире. Тела наши давно умерли.

Даша дико завизжала и с ногами забралась на обеденный стол, за которым сидела. Ксюша взяла карандаш и быстро написала в левом верхнем углу: «Господи, спаси и помилуй раба твоего Дормедонта, – потом, подумав, добавила: и нас грешных».

– Это, безусловно, очень лестно, – сказал Дормедонт Александрович, поднимая глаза к надписи, – но, право же, не стоило.

– Мне так будет спокойнее, – уверенно сама себе кивнула Ксюша. – Но, по правде говоря, я не ожидала, что Ваши портреты оживают, иначе я бы поостереглась.

– Дело не столько во мне, – возразил Дормедонт Александрович, – сколько в том, кто рисовал портрет, даже скорее в том, с каким чувством он его рисовал...

Ксюша почувствовала, как краснеет под взглядом графа.

– Всегда с таким чувством рисую, но раньше мои рисунки не оживали, – буркнула она.

– Я не знал, что Вы художник, – улыбнулся Дормедонт Александрович. – Иначе, возможно, я бы попросил Вас нарисовать что-нибудь для меня.

– Я архитектор, – возразила девушка.

– Ксюша, – слабым голосом спросил Даша со стола, – кто это?

– Дормедонт Александрович Храповицкий, к вашим

услугам, – граф на рисунке поклонился со старомодной элегантностью.

– Тот самый, из соседней могилы? – простионала Даша, слезая со стола. – Я бы могла догадаться.

Дормедонт Александрович приятно улыбнулся.

– Если Вы не возражаете, я задержусь на этом рисунке – это вносит в мою жизнь приятное разнообразие.

– Вряд ли у меня есть право выгонять Вас отсюда, – вздохнула Ксюша.

– Могу я попросить Вас нарисовать кресло?

– Полагаю, что кровать Вам тоже понадобится.

– Кушетки будет вполне достаточно.

Впервые за многие, многие годы Дормедонт Александрович проснулся от того, что солнце светило в открытые окна. Он встал, потянулся и подошел к границе рисунка. Возле кресла был нарисован столик с завтраком. А за границей картины, возле настоящего окна, освещенная настоящим солнцем Ксюша хлопотала у плиты.

Они перекинулись парой слов и решили завтракать во дворе, куда девушка перенесла планшет с рисунком. Скоро к ним присоединилась Даша. Вид у неё был взлохмаченный и невыспавшийся. Она покосилась на рисунок, где Дормедонт Александрович пил кофе в своем кресле, и села как можно

дальше от него.

– Я много думала этой ночью, – сказала Даша. – Думаю, я кругом неправа. Я хочу попросить прощения у Ричарда.

– Превосходная мысль, – одобрил Дормедонт Александрович. – Когда я видел его вчера вечером, он был сам не свой.

– Что, ещё более сам не свой, чем обычно? – уточнила Ксюша.

Граф обдумал её слова:

– Скорее, по-другому, – сказал он.

– Но где мне искать его теперь? – страдальчески вздохнула Даша.

– Ну, – Дормедонт Александрович поставил на столик чашку, – в это время суток найти его совсем не сложно – он может быть только в двух местах. И я даже знаю, в каком именно из них.

– А поточнее? – спросила Ксюша, убирая со стола грязную посуду.

– В склепе под усадьбой, где вы с Маном давеча меня закапывали.

Ксюша наблюдала, как Даша рыдает в объятьях Ричарда возле каменного саркофага с откинутой крышкой, затем перевела взгляд на скульптуру отчаявшейся женщины и поду-

мала, что часто видела её в своих кошмарах. Если верить её снам, то именно за ней есть проход.

Она снова посмотрела на влюблённых, которые, судя по всему, и думать о ней забыли, и подошла к скульптуре. «Опасно туда лезть, – подумалось ей. – Чего стоит одно только приключение в монастыре».

Тут что-то обожгло ей бок. Она сунула руку в карман куртки и достала оттуда белое перо с кремовыми подпалинами, которое светилось так, словно принадлежало жар-птице. Ксюша дотронулась им до статуи, и та беззвучно отъехала в сторону. Там и в самом деле оказался проход, точно такой же, как она много раз видела во сне.

Пробираться по проходу было не слишком приятно, но и не слишком сложно – перо давало достаточно света. Тот был весьма длинный, и она уже успела потерять счёт времени, когда, наконец, оказалась в небольшой камере, размерами и формами напоминающей часовню на холме над морем.

«А ведь это вполне возможно, – подумалось Ксюше. – вполне возможно, что я сейчас прямо под той самой часовой».

Она подняла перо над головой, чтобы получше рассмотреть помещение. У стен ровно, так же, как саркофаги в часовне, располагалось два каменных возвышения. А на них... Ксюша поспешно отвернулась, борясь с подступившим приступом тошноты. То, что лежало на каменных столах, судя по платьям и волосам, когда-то, но уже довольно давно, бы-

ло двумя женщинами.

В этот момент каменная плита в потолке у Ксюши над головой со скрежетом отодвинулась, и в образовавшееся отверстие спрыгнул Дормедонт Александрович во плоти.

– Что Вы здесь делаете? – спросил он. – Во всей округе вряд ли найдется место более опасное.

– Даже монастырь?

– Даже монастырь.

– Вероятно, Вы правы, но у меня есть талисман, – она помахала пером перед носом графа. – Перо хранителя – оно неплохо действует.

– Я и не думал, что Вы так сошлись с Эммануилом, что он позволяет Вам выдирать перья их своих крыльев.

– Я и не выдирала – я нашла его на улице.

– Зачем Вы здесь? – голос графа звучал уже менее напряжённо.

– Я часто видела во сне это место, – сказала Ксюша. – Я хочу понять, почему.

– Ну и как, поняли?

– Почти.

Ксюша подошла к тем останкам, что казались ей более родными, если можно так выразиться. Из груди женщины, в том месте, где когда-то было сердце, торчал костяной нож, испещрённый странными символами.

– Отлично, – пробормотала Ксюша и взялась за рукоять ножа. – Кажется, знаю.

Она в последний раз взглянула на графа и выдернула нож. Останки девушки рассыпались в пыль и Дормедонт Александрович вместе с ними.

Над головой у Ксюши раздался жуткий треск, и она едва успела отскочить, когда левая половина потолка обрушилась.

Девушка обернулась ко вторым останкам. «Это проклятие, оно ведь держит не только стражей, но и Дашу тоже... Она не может рисковать и идти за подругой назад по тоннелю...» – металась в Ксюшиной голове обрывки мыслей.

Она взялась за рукоять второго кинжала и выдернула его. Как и в первый раз, останки рассыпались в прах.

На этот раз Ксюша не стала дожидаться и выскочила в тоннель, ещё до того как раздался треск. Она бежала изо всех сил, а тоннель рушился у неё за спиной, пожалуй, слишком быстро, чтоб она могла убежать. Возможно, поэтому Ксюша почти не испугалась, когда прямо перед её носом обрушился потолок.

«Что ж, – подумала она, – зато теперь они свободны».